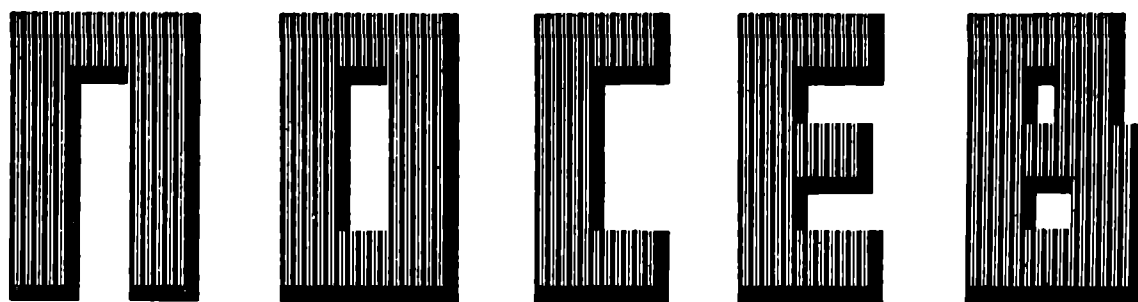

ГОД ИЗДАНИЯ XIX
№ 29 (896)ПЯТНИЦА
19 ИЮЛЯ 1963ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

abgang 19 - Nr. 29 (896)

Russische Wochenzeitung POSSEV-DIE AUSSAAT · 6 Frankfurt am Main 1, Postfach 27 86

Freitag, 19. 7. 1963

О РОССИЙСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ составляют все, кто ставят своей целью революционное свержение коммунистической власти и идут к этой цели путем вооруженной борьбы или организуются в дружки, группы, объединения. О НТС — НАРОДНО-ТРУДОВОЙ СОЮЗ (русских солидаристов) обладает революционной идеологией и стратегией, ведет революционную борьбу и тем способствует росту и организованности российского революционного движения. О «ПОСЕВ» отражает и развивает идеи солидаризма, борется за осуществление политических стремлений российского революционного движения и издается при активном содействии НТС.

Крушение главного мифа

На арене, где происходит драма хрущевско-маоцзедуновской распри, в прошлое воскресенье разыгралось очередное «действие»: «Правда» опубликовала, наконец, пресловутое письмо ЦК КПК Центральному Комитету КПСС от 14 июня 1963 года и ответ на него в виде «Открытого письма Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза».

Это — документы-монстры: письмо ЦК КПК занимает три страницы «Правды», «Открытое письмо» ЦК КПСС — четыре страницы. Великое словоизвержение тех, коим в сущности нечего сказать...

Как известно, в предыдущие дни по поводу неопубликования в советской печати письма ЦК КПК от 14 июня разыгались крупные скандалы. Руководство КПК, распространившее свое письмо от 14 июня по всему свету на многих языках мира, принялось нелегально распространять его своими средствами и в Советском Союзе на русском языке. Оскорбленное «нарушением суверенитета» Советского Союза, советское руководство сделало по этому поводу официальные гневные представления руководству КНР и выслало из Москвы трех сотрудников посольства КНР и двух граждан КНР, занимавшихся нелегальным распространением письма ЦК КПК.

Тем временем, как это было в сотнях других похожих случаев, члены КПСС и граждане СССР начали проявлять «нездоровый» и жгучий интерес к «запрещенному плоду» — письму ЦК КПК и «раздобывать» его.

Опубликование письма ЦК КПК от 14 июня в «Правде» от 14 июля, как ясно видно из всего, последовало отнюдь не вследствие того, что достигнут какой-то успех в переговорах между делегациями КПСС и КПК — ни малейшего успеха не видно, наоборот, переговоры безнадежно вязнут в болоте, — а потому, что даже тугодумное руководство КПСС сообразило, что оставлять себя дальше в столь смешном положении весьма рискованно...

*

Излагать «квадратные метры» обоих писем затруднительно, да и нет в этом необходимости. Все пункты разногласий были более или менее известны и раньше (на письме ЦК КПК от 14 июня с его «25-ю пунктами» «Посев» остановился, в частности, в номере от 28 июня).

Если ЦК КПК в своем письме от 14 июня, хотя оно и является прямым ответом на письмо ЦК КПСС от 30 марта с. г., как об этом сказано в его первых строках, все еще воздерживается от прямого упоминания КПСС и Хрущева и спорит с «некими ошибающимися», то в «Открытом письме» ЦК КПСС уже все точки поставлены над i. При этом в «Открытом письме» — уже вполне базарная терминология по адресу руководства КПК: тут и «не гнушаются пользоваться», и «широкая пропаганда, направленная на разжигание антисоветских настроений», и «клевета» и «абсурдные утверждения», и «охаивание» и «инсинуации», и «подрывные действия».

ЦК КПСС в своем «Открытом письме» не решился отвечать по каждому из 25 пунктов разногласий, перечисленных в письме ЦК КПК от 14 июня, — явно потому, что в ряде случаев крыть ему нечем. Что, например, он может ответить на указание, что объявление новой программой КПСС Советского Союза общенародным государством противоречит определению К. Маркса («Критика готской программы»), что государство по-

литического переходного периода от капитализма к коммунизму «не может быть не чем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата», и определению Ленина («Государство и революция»), что государством политического переходного периода от капитализма к коммунизму «может быть лишь революционная диктатура пролетариата»?

И ЦК КПСС действительно промолчал. ЦК КПСС в своем «Открытом письме» остановился только на следующих вопросах из тех, по которым имеют место разногласия: вопросы войны и мира, вопрос о роли и развитии мировой социалистической системы, вопросы борьбы против идеологии и практики «культ личности», вопросы стратегии и тактики мирового рабочего движения, и национально-освободительной борьбы, а также (весьма подробно) на практической деятельности руководителей КПК, «направленной на подрыв единства мирового социалистического лагеря и международного коммунистического движения».

От чтения обоих писем остается впечатление, что обе партии неизвестно почему и из-за чего спорят: та и другая за мир, за предотвращение термоядерной войны, за мирное сосуществование, за мировую пролетарскую революцию, за мирный и немирный пути прихода пролетариата к власти, за творческий марксизм-ленинизм с полным учетом «исторических особенностей» и «конкретных условий», за «интернационализм, а не национализм», за борьбу с ревизионизмом и догматизмом... И тем не менее, обе партии заявляют, что между ними — «серьезные разногласия по коренным политическим и теоретическим вопросам современности» и вгрызаются друг другу в горло.

Обе партии, следовательно, лгут, не обнаруживая истинной почвы и истинных причин конфликта, на что, собственно, и имеется невольный намек в «Открытом письме» ЦК КПСС:

«Возникает вопрос: чем же объяснить неверные установки руководства КПК по коренным проблемам современности? Либо полным отрывом китайских товарищей от реальной действительности, догматическим, книжным подходом к проблемам войны, мира и революции, непониманием конкретных условий современной эпохи. Либо тем, что за оглушающим шумом о «мировой революции», поднятым китайскими товарищами, стоят иные цели, ничего общего с революцией не имеющие».

*

Дело в рухнувшем «стройном учении», видимость стройности которого поддерживалась во времена Сталина всем известными методами. «Стройное учение» рухнуло и миру предстали вовсе не рыцари и апостолы идеи, благородные единомышленники, а все те же «дети Ада-

ма», скопище мещанских гадких самолюбий, амбиций, шовинизмов, корыстей, чванств, а пуще всего — властолюбцев, которые из-за обладания властью готовы уничтожить друг друга и столкнуться в любую пропасть целые народы...

Мы сейчас присутствуем при поистине великом историческом моменте всем видимого крушения главного мифа творцов «стройного учения», соблазнявшего в течение этого века многих и многих «малых сих»: мифа о том, что коммунистическая идея способна покончить с противоречиями, которые извечно раздирают этот мир, и создать единство человечества — хотя бы с применением насилия на первых порах. Уже и «единство через насилие» неосуществимо: прежде чем вцепиться друг в друга при наступлении полного коммунизма на земле, проповедники коммунистической гармонии еще задолго до этого, по звериному передрались, покинут Вавилонскую башню...

Какие последствия для политической обстановки и политических решений будет иметь раскол в коммунистическом лагере — пока трудно и обозреть.

По имеющимся у нас данным, в известных кругах нашей страны в самое последнее время муссируется идея: перед лицом опасностей для страны, которые таит враждебный коммунистический Китай (предполагается, что дело дойдет до предела — до открытой вражды) следует бороться за переориентирование

всей внешней политики страны на честный союз с Америкой, который единственно может обеспечить мир на земле. В свете этого по-особому видится идея мирного сосуществования в области идеологии, с которой недавно выступила группа творческой интеллигенции нашей страны (в неопубликованном в печати письме в ЦК КПСС), и которая вызвала такие пароксизмы бешенства у официальных представителей власти.

В тех же кругах полагают, что эти пароксизмы бешенства имели лишь тактический характер и преследовали цель сделать угодный для КПК жест перед переговорами; по-иному выглядит тот же вопрос, если переговоры с КПК кончатся крахом.

Нельзя согласиться в этой идее с тем, что в ней переориентирование внешней политики на союз с США связывается с ныне стоящей у кормила власти в СССР кликой руководителей КПСС.

Никакого решения о союзе с Америкой, которое было бы принято без задней мысли, и честной последовательной деятельности в этом направлении не приходится ожидать от хрущевых, микоянов, сусловых, брежневых, косыгиных, насквозь пораженных догматическими предубеждениями, окаменевших в своей «кастовости», растленных сталинщиной.

Поэтому сначала, как минимум, речь должна идти об удалении их и замене их у руководства людьми из той среды, настроения которой нашли выражение в литературных произведениях думающих и вперед глядящих писателей типа очерков «По обе стороны океана».

Что произошло в Уральске?

Из весьма смутной и сумбурной корреспонденции «После бала...», напечатанной в «Известиях» от 4 июля, можно заключить, что в г. Уральске Западно-Казахстанского края произошли большие события, встревожившие власть.

В корреспонденции рассказывается о некоем «бале оборванцев», который в свое время состоялся в квартире рабочего мебельной фабрики П. Федченко. Участниками «бала» были студенты, учащиеся музыкального училища, инженеры, врачи, одежды которых изображали нищих, каторжников, монахов, куклуксклановцев. Следствие об этом «бале» 75 дней вел Уральский горком партии. Принятые им меры по этому делу (совещания, собрания, семинары) не удовлетворили президиум ЦК КП Казахстана, который «резко осудил примитивное отношение Уральского горкома партии к «делу о бале оборванцев», строго наказал первого секретаря горко-

ма В. Курбатова, снял с должности ректора педагогического института.

«Известия» в той же корреспонденции без особой связи с «балом оборванцев» сообщают о поджогах буфета, тира, павильона в городском парке, совершенных в течение одной недели.

Обстановка в городе и в этом парке характеризуется тем, что даже в выходные дни с наступлением сумерок люди торопливо покидают парк; из 11 тысяч дружинников в городе «вот уже второй год на улицах дежурят одни и те же 80—100 человек. И то главным образом в центре».

Подобная же сумбурная корреспонденция, касавшаяся Новомосчеркасска, была помещена в «Комсомольской правде» от 13 октября 1962 года. За сумбуром пряталось не что иное, как вооруженная антиправительственная демонстрация трудящихся и ее кровавое подавление коммунистическими карателями.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ

В связи с отпускным периодом у рабочих типографии и невозможностью из-за нехватки рабочих рук в ГФР найти временную замену рабочим нескольких типографских профессий, «Посев» в пятницу 26 июля не выйдет.

Следующий номер еженедельника в увеличенном объеме выйдет в пятницу 2 августа.

После этого «Посев» не будет выпущен в пятницу 9 августа и выйдет в пятницу 16 августа в увеличенном объеме. С 16 августа возобновится нормальный выход еженедельника.

Цена увеличенных в объеме номеров «Посева» от 2 и 16 августа в розничной продаже в ГФР — 1 марка, в других странах — соответствующий эквивалент в местной валюте.

Тревога продолжается...

ВОПРОС О БОРЬБЕ С «ИДЕОЛОГИЧЕСКИМИ ДИВЕРСИЯМИ» —
НА ПЛЕНУМАХ ЦК КП СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, КРАЙКОМОВ И ОБКОМОВ

Начиная с первых чисел июля, в «Правде» и в других центральных и республиканских газетах печатаются обширные отчеты о пленумах КП республик, крайкомов и обкомов, посвященных июньскому пленуму ЦК КПСС. Опубликованы также отчеты о пленумах ВЦСПС и ЦК комсомола, обсуждавших «задачи идеологической работы».

Все отчеты в отношении конфликта с КПК (как известно, этот вопрос, наряду с вопросом об очередных задачах идеологической работы, обсуждался на июньском пленуме ЦК КПСС) построены на один лад: «Коммунисты полностью и единодушно одобряют политическую деятельность Президиума ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева по дальнейшему сплочению сил мирового коммунистического движения... Пленум категорически отверг, как беспочвенные и клеветнические, нападки ЦК КПК на нашу партию и другие коммунистические партии, на исторические решения XX, XXI и XXII съездов и Программу партии».

Создается впечатление, что Идеологический отдел ЦК КПСС заранее разработал и разослал редакциям газет этот стандарт с предписанием ничего не добавлять и ничего не убавлять.

✱

Что касается положения дел на внутреннем идеологическом фронте, то отчеты дают немало новых и любопытных штрихов и деталей и на них следует остановиться.

На пленуме Ленинградского промышленного обкома КПСС подвергся новым нападкам молодой ленинградский поэт В. Соснора. Один из ораторов на пленуме напомнил, что в марте на собрании творческой интеллигенции Ленинграда резко критиковалось творчество молодого поэта В. Соснора. Как же ответил Соснора на критику? Оказывается, он ее игнорировал. Как говорится в отчете («Правда» от 5 июля), вскоре после актива на литературном вечере в концертном зале «он выступил с чтением двусмысленных, пошлых, отмеченных печатью формализма стихов». А между тем, — жаловался оратор, — уже после этого выступления Сосноры секретариат и правление Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР приняли Соснору в Союз писателей. «О чем, как не о беспринципности и благодушии коммунистов секретариата и правления местного отделения Союза писателей РСФСР, говорит этот факт!» — восклицают и оратор и «Правда».

На ленинградскую творческую молодежь власть вообще давно точит зуб. Достаточно вспомнить, что писала «Правда» 13 мая в дни, предшествовавшие июньскому пленуму ЦК КПСС:

«У нас, в Ленинграде, к сожалению, еще есть небольшая часть молодежи, которая увлекается различными уродствами западной «культуры», абстрактной живописью, поддается нигилистическим настроениям. Некоторые молодые поэты стали увлекаться формотворчеством, разрушать мелодию русского стиха. Это относится ко многим стихам Виктора Сосноры. В вышедшем недавно литературном альманахе «Молодой Ленинград» поэты Г. Горбовский, А. Кушнер, В. Халупович выступили с произведениями, отмеченными печатью камерности, нотками пессимизма. Они далеки от подлинной жизни, уводят молодежь в сторону от важнейших проблем современности. В молодежном кафе «Буратино» недавно состоялась выставка студенческих работ, имеющих явный налет формалистических исканий... в залах ЛОСХа была открыта выставка «работ» молодых московских художников-абстракционистов».

Как и можно было ожидать, руководство Ленинградской парторганизации подвергло на пленуме резким нападкам получивший большую известность очерк писателя Ф. Абрамова «Вокруг да около», помещенный первоначально в ленинградском журнале «Нева». В частности на пленуме против Абрамова была выпущена бригада гатчинского колхо-

за «Память Ильича» некая Н. Карлусова, заявившая, что «в очерке выведены ленивые, бессовестные, некультурные люди». Это-де «оскорбительное, обижающее нас произведение, не заслужили мы такого»...

В отчете о пленуме ЦК КП Грузии «Правда» (№ 186) отмечает, что на пленуме «крупные ошибки и недостатки вскрыты в деятельности студии «Грузфильма». Какие ошибки — в отчете не сказано. Но зато сделано многозначительное указание на то, что «ЦК КП Грузии укрепил руководство студии и поставил перед киноработниками республики важные задачи».

На пленуме ЦК Украины выступление председателя правления Союза художников Украины В. Касияна представляло вариант известного детского стихотворения В. Маяковского: «Что такое хорошо и что такое плохо». Хорошо, по его словам, что «с каждым годом ширятся и растут наши культурные связи с народами зарубежных стран, идет живой обмен делегациями, книжными новинками, периодической прессой и выставками», но плохо, «что в ряде случаев, при проведении таких полезных мероприятий проникают чуждые, враждебные нам идеи. Как правило, выставки из капиталистических стран сопровождаются большим количеством экскурсоводов, которые распространяют различную литературу, проспекты, журналы, каталоги. В их пояснениях нередко можно найти пропаганду чуждых нам формалистических, абстракционистских течений, пресловутой «свободы творчества», «капиталистического процветания» и т. п. Наши же рецензии на такие издания и выставки крайне малочисленны, они зачастую бывают чересчур дипломатичными, неприципиальными, лишенными боевого наступательного духа».

На пленуме ЦК КП Молдавии («Правда» от 10 июля) указывали, что «Некоторые молдавские писатели, художники, кинематографисты до последнего времени (подчеркнуто здесь и ниже в цитатах нами. — К. Г.) не проявляют принципиальности в оценке отдельных порочных произведений, нетребовательно относятся к тем, кто оказался на ложных позициях формализма».

На пленуме говорилось, что орган Союза писателей СССР — «Литературная газета» в свое время взяла под защиту фильм «Человек идет за солнцем», выпущенный студией «Молдовафильм». Опираясь на эту поддержку, — пишет автор отчета в «Правде», — постановщики фильма твердят, что якобы зрители не доросли до понимания этого кинопроизведения. «Участники пленума называли их зазнавшимися вельможами, оторвавшимися от жизни, клонувшимися на приманку буржуазного трюкачества и модернизма в киноискусстве».

«Выпущенный в этом году студией «Молдовафильм» фильм «Путешествие в апрель» — продолжает «Правда» — отнюдь не свидетельствует о переменах к лучшему. Произведение это оказалось также идейно порочным. Все это говорит о явном неблагополучии на киностудии».

В духе этих пленумов прошел и пленум ЦК комсомола. Докладчиком здесь был первый секретарь ЦК комсомола С. Павлов. Судя по тексту доклада, опубликованному в «Комсомольской правде» от 10 июля, он говорил лишь об обязанности перед партией нашей молодежи и ни слова об ее правах.

С. Павлов пытался всячески очернить свободу на Западе, которой столь интересуются юноши и девушки нашей страны. Этой свободе он противопоставил... марксизм-ленинизм:

«Наши враги пускают в ход затасканные идеи «процветания» и «свободы» личности в капиталистическом обществе, которые при ближайшем рассмотрении оказываются идеями мещанского благополучия, индивидуализма и эгоизма. Каждому ясно, что эти, с позволения сказать, идеи, подобранные на свалке истории, неспособны противостоять всепобеждающей силе марксизма-ленинизма».

Несмотря на «всепобеждающую силу» марксизма-ленинизма, — сокрушается Павлов, — «кое-кто из комсомольских

активистов стесняется или боится всегда и всюду лично вести политическую работу, пропагандировать коммунистические идеи. Еще бывают случаи, когда идейные вывихи и даже явная клевета не встречают тут же острой политической реакции. Нельзя ни на минуту допускать элементы идейного примиренчества, всепрощения и всеядности. Каждый комсомольский работник и активист должен обладать качествами убежденного борца, способного всегда в любой обстановке отстаивать идеи партии, давать отпор любым попыткам опорочить нашу действительность».

С. Павлов предупреждал против «злобствующих мещан», которые еще не перестали и которые «с чужого голоса пытаются навязать молодежи обывательский, своекорыстный взгляд на жизнь, клеветуют, шушукуются и злорадовуют. Нужно ограждать нашу молодежь от нечистоплотных сплетен и анекдотов».

Странная «всепобеждающая сила», которая боится... анекдотов!

В качестве новых мощных средств укрепления коммунистической идейности С. Павлов предложил на комсомольских собраниях петь «Интернационал» наизусть (не заглядывая в бумажки) и носить, не стесняясь, комсомольский значок («стесняться этого могут лишь те,

Была скрыта катастрофа с летчиком-испытателем Мосоловым

Еще одно подтверждение того, что коммунистическая власть систематически скрывает от населения крупнейшие катастрофы, аварии, несчастные случаи в стране, когда они мешают ее пропаганде о «преимуществах социалистической системы».

11 сентября 1962 года известный советский летчик-испытатель Георгий Константинович Мосолов во время полета на опытном скоростном самолете потерпел катастрофу. На сверхзвуковой скорости его самолет внезапно дрогнул и потом, вспыхнув, повалился на левое крыло. Мосолов выпрыгнул с парашютом, успев передать на Землю: «Говорит Мосолов. Покидаю машину». Его левую руку и левую ногу сломало в воздухе. При приземлении сломалась правая нога и был поврежден череп. Найдены были Мосолов в лесу случайно неким мужчиной в ватнике и мальчиком спустя три часа после падения. Долгое время он находился на грани жизни и смерти.

О катастрофе с знаменитым летчиком, установившим мировой рекорд высоты, население страны узнает только теперь, через 10 месяцев после случившегося! А. Евсеев, специальный корреспондент «Известий», в статье «Рекорд терпения и мужества» (номер от 10 июля) описывает разговор с выздоравливающим летчиком-испытателем.

Статья подана как ответ на запрос одного читателя — слесаря В. Одинцова из города Электросталь, который тут же, в начале статьи, и приводится:

«Наверное, у каждого, кто любит авиацию, есть «свой» летчик, к которому испытываешь особые симпатии. Не скрою, моя привязанность — выдающийся летчик-испытатель Георгий Мосолов. «Известия» писали о нем ровно год назад. Что он, где сейчас?»

✱

По стране ходят слухи о гибели космонавтов, о катастрофах при испытаниях ракет, о болезни «лучевке», поражающей людей, обслуживающих атомные установки и плохо защищенных от действия страшных лучей.

Партия спешит — ей необходимо выйти на первое место, «обогнать Америку». На то, что при этом гибнут люди, ей плевать. Лишь бы о гибели никто не знал...

Но скрывать катастрофы все труднее. О них по стране идут слухи, которым народ верит, потому что он привык не верить власти.

27 мая «Известия» поместили заявле-

кто еще не дорос до высокого звания молодого коммуниста»).

✱

«Правда» от 7 июля без всякой видимой причины снова взялась за защиту социалистического реализма, посвятив этому вопросу передовую, обрушив в ней очень резкую и нервную брань на «доморощенных» подпевал буржуазных клеветников».

«Гневным осуждением — говорится в передовой — встречает советский народ произведения и теории некоторых писателей, работников искусства, клонувших на отравленную приманку, подброшенную буржуазным Западом. Нехитрый рецепт такого рода «искусства» дает в руки «художнику» одну черную краску, рекомендует ему все мазать детем».

Объяснив «неприглядность» «буржуазного модернистского искусства», «Правда» с большим раздражением продолжила:

«Тем более постыдно, что кое-кто у нас из среды писателей, художников, работников кино принимает за гнило-сладковатому запашку тления, доносящемуся издали, и принимает этот дурной запах за веяние ароматов наивной парфюмерии от искусства».

В первой цитате обращает на себя внимание слово «встречает». Речь, следовательно, идет о каких-то новых, нынешних «вылазках» не сложившихся писателей и деятелей искусства, имеющих собственное мнение...

К. ГУЩИН

ние Аджубея, «опровергающее» сообщения иностранной печати о том, что ряд запусков космонавтов в СССР закончился катастрофой — космонавты погибли. Аджубей заявил, что эти сообщения вымышлены.

Реакция «Известий», по-видимому, возымела лишь обратное действие. Как известно, в нашей стране распространено мнение, что советская печать опровергает лишь для того, чтобы скрыть истину.

Возможно, конечно, что слесарь Одинцов по собственной инициативе послал свой запрос в «Известия». Но ответила на него редакция лишь потому, что в стране к этому времени прошла новая волна слухов — возможно всех тех же слухов о гибели космонавтов, которые могли оживиться в связи с полетами Быковского и Терешковой. Чтобы обезвредить действие этих слухов, власть сочла необходимым сообщить об одной из катастроф — о катастрофе с летчиком-испытателем Мосоловым, как бы говоря этим, что власть случившееся не скрывает. Но сделано это, надо сказать, в высшей степени грубо. Ведь неизбежно напрашивается вопрос: ну а если бы слесарь Одинцов не написал своего письма? Так бы и продолжали граждане страны оставаться в неведении относительно катастрофы с выдающимся летчиком?

✱

Снова и снова приходится говорить о цинизме тоталитарной власти, о ее презрении к людям, к их жизням.

Почему не сообщили о катастрофе с летчиком Мосоловым сразу? Каждый летчик-испытатель рискует жизнью — это общеизвестно и за это власть никто не стал бы проклинать. Известно также, что человек в несчастье наиболее нуждается в поддержке. Сколько ободряющих, дружеских писем получил бы Мосолов от людей, как помогли бы они ему в тяжелые минуты, когда «долгие месяцы — не дни, а месяцы — лежал он неподвижно на спине, с ногами, вытянутыми на блоках, и левой рукой, запятой в гипс».

Почему, когда Мосолов ставит мировой рекорд скорости, об этом кричат на весь мир, как о доказательстве превосходства коммунистической системы, а когда его постигает несчастье, о нем молчат, как о несостоящей букашке?

Какая цена после этого опровержениям «Известий» по поводу гибели космонавтов?

Я. МАРКОВ

На себя, а не на коммунистических крепостников

Правда очерка Ф. Абрамова и фальшивка „Известий“

Появившийся в январском номере «Невы» за этот год очерк Федора Абрамова «Вокруг да около» сразу поразил читающих его своей правдивостью. Ведь нет и не было второго такого описания сегодняшней колхозной деревни, как у Абрамова. «Посев» перепечатал его целиком (в номере от 22 марта с. г.), а издательство «Посев» тогда же выпустило его отдельной брошюрой.

К тому времени в советской печати об очерке Ф. Абрамова появился только один отзыв — статья Г. Радова «Вся соль — в позиции» в «Литературной газете» от 5 марта. «Соль», по словам Радова, заключается в том, что Абрамов не только видит «заколдованный круг» («Чтобы сделать полноценным трудодень, надо, чтобы работали люди... А чтобы работали люди, надо, чтобы был полноценный трудодень»), но видит также, как его расколдовать — «видит те наличные силы, оперишь на которые можно поднять деревню».

В статье, сопровождавшей опубликование очерка Абрамова в «Посеве», и в кратком введении от издательства «Посев» к брошюре говорилось:

«Насчет веры автора и видения им «наличных сил» — все это сплошное вранье и мошенничество. Вранье, при помощи которого власть пытается «замять» разговоры о произведении, имеющем исключительную обличительную силу».

И дальше шла речь о том, что власть здесь применяет некий новый метод:

«В известных случаях, чтобы не допускать широких толков в народе о произведении, проскользнувшем и написанном не с партийных позиций, особо опасном, — его не надо совершенно замалчивать. Надо о нем один раз написать, что оно написано с вполне партийных позиций. Тогда люди наверняка не станут им интересоваться...»

Прошло несколько недель и власть вынуждена была признать, что ее «новый метод» не принес результатов. Слух о правдивом очерке все шире и шире распространялся по стране, интерес к нему все рос и рос. И уже на идеологических совещаниях в Ленинграде и Риге, проводившихся в порядке подготовки к июньскому пленуму ЦК КПСС, Абрамов подвергся атакам за «идейные ошибки, искаженное изображение действительности». «Литературная газета» вслед за этим (в номере от 20 апреля) признала ошибочной собственную статью об очерке Абрамова (уже упоминавшуюся выше статью Г. Радова), а сам очерк объявила «сорняком».

Недавно в поход на Абрамова двинулись «Известия». В номере от 2 июля «Известия» под заголовком «К чему зовешь нас, земляк?» опубликовали большое «Открытое письмо односельчан писателю Ф. Абрамову», перепечатанное, как говорится в примечании редакции, «с некоторыми сокращениями из газеты «Правда Севера».

Это уже не «новый метод», а совсем старый прием — заставлять односельчан, за которых и заступился автор в своем очерке, возмущаться своим писателем. По этому же пути пошла власть, когда ей понадобилось обрушиться на Александра Яшина за его «Вологодскую свадьбу»...

«Открытое письмо односельчан писателю Ф. Абрамову» начинается с далеко не убедительного объяснения, почему отклик на опубликованный в январе очерк попадает в печать только в июле:

«Мы, к сожалению, не имели раньше возможности прочитать его: в деревне нашей нет ни одного экземпляра «Невы». Не помогли и Вы на этот раз нам, не прислали хотя бы одну книжку в нашу сельскую библиотеку».

По этому поводу следует сперва заметить, что хотя очерк и «безадресный» и герои его названы вымышленными именами, но «односельчане» сразу поняли, что речь идет об их деревне Веркола Пинежского района, узнали и лиц, там описанных. Значит крепкая связь писателя со своей деревней, значит писал он его, — что и не опротестовыва-

ют авторы письма, — знакомясь с положением на месте, слушая местных людей. Значит знали в деревне, над чем работает «их писатель».

Кстати, то, что Ф. Абрамов советовался с людьми, признают сами авторы письма, предлагая ему «не делать выводов из слов отсталых людей, стяжателей». Значит, дело не в том, что не посоветовался, а в том, что посоветовался не с теми, которые бесстыдно повторяли бы казенные мифы, казенную ложь...

С учетом всего этого трудно поверить, что помощники Абрамова в колхозе не имели сведений о появившемся в «Неве» очерке Абрамова. Во всяком случае можно не сомневаться, что после разноса очерка на идеологических совещаниях в Ленинграде и Риге и после появления новой статьи об очерке в «Литературной газете» от 20 апреля в село Веркола немедленно помчались инструктора Ленинградского обкома, чтобы организовать «гневный отклик». И если организация «гневного отклика» затянулась до июля, то это может говорить лишь о том, что давалось это дело «инструкторам» очень нелегко...

Но обратимся к сути дела. Авторы «открытого письма» признают, что «колхоз наш, конечно, отсталый, один из экономически слабых пока на Пинежье». В 1953 году колхоз имел денежный доход в 21.200 рублей, а на трудодень выдавали по... 6,4 копейки! Тут и комментировать нечего.

В прошлом, 1962-м, году доходы в кол-

хозе возросли и за трудодень стали платить по 55 копеек. Это, конечно, не 6,4 копейки, но хвалиться тоже нечем и для того, чтобы мало-мальски сводить концы с концами, крестьянам, конечно, приходится сугубое внимание уделять приусадебному участку, ходить по грибы и продавать их в село.

Что же еще возмутило «односельчан» Абрамова? Они возмущены, что он говорит о «лампишках», не потому, что в колхозе ярко светит электричество, а потому лишь, что «заключен договор на электрификацию колхоза. Так что скоро все колхозники будут с лампочкой Ильича!» Что ж, когда будут, Федор Александрович Абрамов, наверное, так и напишет, а пока пенять не на что...

И, наконец, — корень всех поднятых в очерке вопросов: как заинтересовать колхозников выйти на сенокос, как спасти гниющее сено?

Абрамовский председатель колхоза — Ананий Егорович — решает этот вопрос, обещая крестьянам 30% валового сбора сена. В результате работа закипела, или, как выражается Абрамов устами водителя Уледова, «осатанел народ», «бабье ошалело»!

Протестуя против такой «непомерной» оплаты, авторы письма стараются доказать, что это несправедливый дележ сена, и утверждают, что в частной собственности находится лишь пятая часть всего скота. Однако приводимые авторами письма цифры — не в их пользу. Они пишут: «У нас больше ста семей

имеют в личном хозяйстве коров. А на общественных фермах их 196».

Это невыгодное для обвинителей Абрамова цифры, ибо из них следует, что в частном стаде около 40% коров, а абрамовский председатель отдал им всего 30% сена. На помощь привлекаются «бычки, нетели, телята, лошади, овцы», которых они переводят на условные голы (приравнивают к коровам), и все стадо таким образом вырастает до 470 голов.

Мы, конечно, не знаем, что значит «больше ста семей», не представляем себе также, чтобы у частников не было овец и коз. Значит, их надо прибавить к частному стаду. Но мы знаем, что 30% от 470 составляет 141 корову, что, по-видимому, и соответствует размерам частного стада. Этот подсчет вероятно и сделали друзья Абрамова, когда рассказывали ему о своих бедах. Он и убедил его в правильности такой оплаты труда.

Авторы «письма», с другой стороны, утверждают, что «тот, кто трудится, обеспечивает кормами и свою корову. В прошлом году, например, в нашем колхозе в виде дополнительной оплаты около 30 хозяйств получили от тонны до двух тонн сена».

Это тридцать семей, а остальные сто?

Читаешь «письмо» и удивляешься: да зачем его вообще напечатали? Ведь доказывает оно только то, что правильно описал Федор Александрович свою родную деревню, и что упомянутые им старики гораздо раньше сойдут в могилу, чем получат за труд всей своей жизни приличную пенсию от колхоза...

Д. ШАГАРОВ

На своих огородах—все, на совхозном поле—никого

НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ОЧЕРКУ Ф. АБРАМОВА

мотор, трубы, центробежные насосы, пожарные шланги, всего этого в магазинах нет, а вот, поди ж ты, во всех хозяйствах есть. Кроме того, нужны удобрения, при том самые лучшие; надо бы использовать их на совхозной земле, но там нехватка, а в то же время нелегальным путем каждый купит одну, а то и две машины на свой огород, а таких огородов не меньше пятисот! Потом в июле начинается сбор огурцов, и тут уж действительно идет горячка, ведь это скоропортящийся продукт и надо успеть его продать по цене. Можно себе представить, какой выход на работу в эту пору.

Не знаю, может быть, на бумаге и были какие-нибудь решения областных организаций, но на деле они идут на уступки. Вы свободно можете в любой авто-транспортной конторе взять машину, были бы деньги, а деньги у «частного сектора» имеются. Машину они оплачивают в оба конца и ездят, можно сказать, по всему Союзу. Такие города, как Москва, Курск, Иваново, Ленинград, считаются «домашним делом». Да и справок в сельсовете можно взять сколько угодно: ведь все законно, огороды свои, огурцы свои, стало быть и спекуляции нет... Да и как не поощрять эти торговые операции, если почти все руководство, почти вся интеллигенция села увлечены теми же огурцами. Учителям даже легче; в эту пору каникулы и можно съездить на «экскурсию» в любой город. Как же грустно смотреть на них! Видели бы вы этих людей, когда они, запыленные, трясутся в задней части кузова; впереди-то складываются огурцы, чтоб не побились. Зато на обратном пути везут наши торговцы полные кошельки и полагают, видно, что этим сполна оплачены все их мучения.

...В результате, несмотря на то, что вокруг деревни богатые пастбища, на которых всегда паслось у нас много скота, и колхозного и личного, сейчас, особенно этой зимой, пало (в совхозе. — Н. П.) много коров и овец. Для овец одалживали в соседних селах силос пятилетней давности. Говорят, остатки скота совсем сдали на мясо. Вот ведь до чего докатились!

...Знают ли все это местные власти?

Считаю, что обязаны знать, не могут не знать и, конечно, знают. Ведь и авто-транспорт дается с их ведома, да и ездят наши «огуречники» не скрытно, машинной раз собираются побольше, чем на крупной стройке».

К письму характерная приписка:

«Вот написала и все никак не решусь послать. Как-то плохо на душе, будто я недоброе делаю землякам, родственникам, да и страх прокрадывается: узнают, что написала я, а ведь люди всякие бывают. И стыдно мне за этот страх. И все же посылаю...»

Редакция сопровождает письмо К. Панюшкиной указанием на то, что ее корреспондент побывал в Казачьих Лагерах, и следующим выводом:

«...увиденное (корреспондентом. — Н. П.) не только подтверждает мнение Клавдии Панюшкиной, но идет значительно дальше».

Бывшие колхозники, ставшие теперь рабочими совхоза им. Мичурина, сохранили в личном пользовании участки площадью до гектара. Иные «землевладельцы» не могут сами все освоить и отдают усадьбы для обработки «исполну», а то (дошло и до этого!) нанимают людей.

Как раз сейчас в совхозе страда, здесь пепчатый край работы, заросли сады, виноградники, но почти половина рабочих не выходит на поля — люди «проворачивают огуречные дела». Совхозу пришлось из-за недостатка рабочих рук ликвидировать ферму крупного рогатого скота. Хозяйство, расположенное на богатейших землях, становится нерентабельным. Ту же неприглядную картину, те же «ндравы» можно наблюдать и в совхозах Каменного Пода в Запорожье, также созданных на базе колхозов».

Редакция правительственной газеты в своем комментарии спохватилась и заявляет, что вопрос переключения рабочих совхозов на работу на себя, на своих «раздутых» приусадебных участках, — это «вопрос политический».

С этим нельзя не согласиться. Даже ультраполитический. Вырывающаяся из-под спуда личная инициатива населения бьет по самому фундаменту коммунизма...

«Счастливы ли они?» — так озаглавила редакция письмо Панюшкиной. Эта дряблая, плаксивая апелляция к «морали» тоже характерна. Силы у власти теперь явно уже не те...

Н. ПОКРОВСКИЙ

надо не в отеле «Виктория» на виа Венето и даже не во второразрядном «Империо», а в простой рабочей семье — ну, хотя бы у того же Джерми-машиниста, как ни сложна там семейная обстановка, — и не неделю, и не две... Впрочем, самое главное, конечно, знать язык. И тут я умолкаю.

Хочу, однако, кое в чем упрекнуть и наших друзей. Нет, кажется, итальянца, которого бы я при встречах не просил бы прислать мне литературу о так называемом «неокапитализме», в частности об Оливетти, о котором писал в первой книге в самых общих чертах. А это явление очень сложное, от которого не отмахнешься, если по-настоящему хочешь разобраться в современной жизни Италии, жизни ее рабочего класса. В беседах с отдельными товарищами, даже коммунистами, я точного и ясного ответа так и не получил.

Я написал: «в беседах», но, если говорить начистоту, применительно к большинству итальянцев слово «беседа» мало подходит. Почти всегда она если не начинается, то кончается спором. Иногда очень даже горячим, с повышением голоса и взаимными обвинениями.

Вот я и подошел к тому, что в самом начале называл наиболее интересным, — к спорам, к дискуссиям, к тому, что итальянцы особенно любят и в чем они безусловно мастера.

Мне пришлось столкнуться с тремя видами таких дискуссий: а) с недоброжелателями, стремящимися задать каверзный вопрос, поставить тебя в тупик; б) с людьми не нашего лагеря, но ищущими общего языка, и в) с друзьями, в основном с коммунистами. С последними спорить, пожалуй, труднее всего.

В последний день нашего пребывания в Риме мне и поэту Вознесенскому пришлось выступать на вечере, организованном обществом «Италия—СССР». Народу было много, зал маленький, накурено, жарко. Выступать было трудно, особенно к концу очень напряженного, заполненного всякими делами дня. После доклада и наших выступлений начались вопросы. И тут вдруг стало легко и весело. Вероятнее всего потому, что наиболее активными были корреспондент журнала «Темпо» и студент-американец, в свое время работавший гидом у нас на американской выставке в Москве. У обоих у них была одна цель — поставить нас в тупик. На следующий день, уже в самолете, мы не без удовольствия прочитали отчет об этом вечере в правительственной «Мессаджери»: «Советские писатели поразили всех артистизмом, юмором и меткостью своих ответов, подобных ударам рапиры». До сих пор не могу понять, почему отнюдь не симпатизирующая нам газета решила нам польстить — никакого особого артистизма не требовалось, чтоб отвечать на вопросы, подобные: «Правда ли, что Евтушенко после какого-то выступления Хрущева исключили из комсомола?» Или: «Почему в Советский Союз не допускается ни одна иностранная книга?» Впрочем, возможно, под артистизмом подразумевалась быстрота ответов и не обязательная глубокомысленная многозначительность их. Юмор — лучшее оружие против недоброжелателей; мы с Вознесенским пытались об этом не забывать.

Сложнее было, пожалуй, за «круглым столом» в Палаццо Мариньоли. Это была встреча советских и итальянских писателей, вылившаяся в основном в обсуждение проблемы «завербованности» современных писателей. У нас слово «завербованность» звучит несколько иначе и более грубо, чем французское «engagé», но смысл ясен: примыкает ли тот или иной писатель к тому или иному лагерю, какую идею он воплощает, какими путями и в какой именно форме. Интерес дискуссия вызвала промадный, зал был набит до отказа, все проходы были забиты, люди не сидели, а стояли в задних рядах даже на стульях.

На улице, у входа в зал, какие-то молодые люди разбрасывали профашистские листовки: «Моравиа, Леви, Пазолини — не встречайтесь с русскими!» Но встреча произошла.

По итальянскому обычаю, никакой специальной подготовки не было. Председательствующий Алатри (генеральный секретарь общества «Италия—СССР») давал слово по своему выбору, и каждый говорил что хотел.

На мой взгляд, дискуссия — по началу своему — носила излишне академический, теоретический и, я бы сказал, даже абстрактный характер. Мне кажется, она была бы интереснее и плодотворнее, если бы опиралась на какие-то конкретные примеры — книги, фильмы, статьи, если бы выступающие поменьше оперировали общими понятиями. В своем небольшом выступлении я об этом говорил, сказав, между прочим, что мне лично гораздо легче было бы выступать, если бы я посмотрел, допустим, нашумевший сейчас в Италии, да и во всей Европе фильм Пазолини «Аккатоне». Дело не в том, что я мог бы потом высказать свои претензии автору или, наоборот, поблагодарить его (с великим наслаждением посмотрев позднее этот фильм, я смог осуществить второе), а в том, что мы почти не знаем итальянской критики, так же как итальянцы нашей (в меньшей, правда, степени). Не знаем, что друг о друге пишем. Вот и поговорили бы, поспорили. Мне кажется, что «Аккатоне» как раз и есть тот фильм, на котором можно скрестить оружие в спорах о путях и направлениях современной кинематографии, да и искусства вообще. Если б к тому же мы смогли привести с собой новый советский фильм А. Тарковского «Иваново детство» (приедь мы на десять дней позже, мы могли бы взять его с собой, он был бы совсем уже готов), дискуссия затянулась бы дня на два, а то и на три.

Принимать участие в дискуссии, в которой между тобой, твоими оппонентами и зрителем находится пусть даже самый превосходный, как было у нас, например, переводчик, очень трудно. Об этом, кстати, говорил Пазолини, посетовавший на то, что латынь — язык гуманизма, как он сказал, — дважды сыграла с ним в этой дискуссии злую шутку. Но о Пазолини позже. До него (а он говорил дважды) выступали Пьовене, Моравиа, Леви, Сурков, Панова, Твардовский (кстати, тоже дважды выступавший и именно в связи со вторым выступлением Пазолини).

Итак, речь за «круглым столом» шла о «завербованности», о долге писателя. Итальянцы больше говорили о долге и «долгах» нашей литературы, нежели своей. Твардовский вежливо обратил внимание на некоторую, что ли, неделикатность такого подхода («Мы очень призна-

тельны нашим итальянским коллегам за то, что они так хорошо ориентируются во всем, что касается нашего развития, но лично я не решился бы поступить так же в отношении итальянского искусства и литературы»).

— Нас с собой не равняйте, на вас смотрят, с вас и вопрос, — слышали мы не раз.

Вот так вокруг нас все и вертелось.

Наиболее интересным было, на мой взгляд, выступление Пазолини. Оно было конкретнее других и, я бы сказал, пожалуй, резче.

Пьер-Паоло Пазолини занимает сейчас в итальянской литературе одно из первых мест. Мы его стихов и романов, к сожалению, почти не знаем, он очень труден в переводе. Герои его говорят даже не на диалекте, а на полублатном жаргоне римских окраин, который и не всякий-то коренной римлянин поймет. Фильм «Аккатоне» — первая работа писателя в кинематографе, в этой картине он не только сценарист, но и режиссер. Фильм превосходный — но о нем отдельно.

О чем же говорил Пазолини?

Небольшого роста, черноглазый и черноволосый, с простым серьезным лицом то ли рабочего, то ли крестьянина, в недавнем прошлом (сейчас ему лет тридцать пять) профессиональный футболист, сейчас знаменитый писатель, он встал и негромким голосом начал говорить. Говорил он о своих претензиях к советской литературе. На его взгляд, она излишне наивна и сентиментальна (итальянцы, сами по себе народ сентиментальный, в искусстве не переносят сентиментальности ни в каком виде). Он ссылаясь на «Звездный билет» Аксенова, на стихи Евтушенко, на «Балладу о солдате».

— Деятели советской культуры, — сказал он, — в сложный для них период кризиса, который мы наблюдаем с большой тревогой и симпатией, стремятся преодолеть мертвую точку — следствие сталинской эпохи, стараясь перескочить — и они поступают правильно — через то, что для нас является опытом декаданса. Но, перескакивая через этот опыт декаданса, они находят, в некотором смысле, то, что ему предшествовало: романтизм, понимаемый как невинность, чистота. Этот романтический, сладостный, добродушный, пропитанный юмором и в лучшем случае классический наивный и чистый воздух теперь не может полностью удовлетворить нас. Положение, сложившееся в Советском Союзе и отразившееся на положении у нас, потому что мы тесно связаны друг с другом, требует чего-то совсем иного. Сталинский период был истинной трагедией для всех нас. В свою очередь технический прогресс в России вместе с пробудившимся чувством удивительного оптимизма ставит столь же серьезные проблемы перед всем человечеством: ракета, посланная на Луну, помимо того, что она является источником оптимистической гордости для Советского Союза, в то же время заставляет по-новому, я бы сказал, со всех сторон взглянуть на срадания, невежество, нищету земного шара. Так что положение действительно нелегкое. Мы ждем от советских писателей создания поистине трагического произведения, горького, даже жестокого, если необходимо, произведения, в котором было бы высказано все это.

Я привел столь пространную цитату из выступления Пазолини, поскольку именно оно разбило академичность дискуссии, именно вокруг него начались споры. Мы не соглашались, что наша литература наивна, что она избегает трагического (в связи с этим упоминали «Разгром» Фадеева, «Звезду» Казакевича, «Тихий Дон»). Пазолини в своем ответе стремился внести ясность, ссылаясь на ту самую латынь, которая сыграла с ним злую шутку: он, мол, употребил слово «наивный» в том смысле, в каком им пользуются филологи — «ingenuo» — «естественный», а отнюдь не в смысле «невинный, ребячливый», и говоря, что искусство Чухрая — наивное искусство, он хотел сделать Чухраю только комплимент.

Некоторая путаница произошла и вокруг итальянского слова «tragico», которое одновременно означает и «трагическое» и «трагедийное», а это понятия отнюдь не одинаковые.

Чего же хочет от нашей литературы Пазолини? Трагедии как жанра?

На первый взгляд можно подумать, что именно этого: талант Пазолини беспощаден, философия его произведений — философия безысходности. Но, оказывается, нет, не этого он от нас ждет (хотя и этого, очевидно, тоже) — в своем втором выступлении он прямо об этом сказал, вспомнив о второй злой шутке, разыгранной с ним латынью.

— Говоря «трагедия», «трагическое», я не имел в виду трагедию как литературный жанр: самые большие трагедии те, что смешат. Я говорил о трагедии, которая ни в какой мере не обманывала бы нашу жажду знать все об исторической и политической трагедии недавних лет, которую глубоко переживали советские писатели.

На это пожелание или требование Пазолини ответил Твардовский, сказавший, что он всегда испытывает «чувство неловкости и страха, когда присутствующие на той или иной дискуссии пытаются разрешить проблемы, которые очень трудно разрешить даже в самом дружеском интимном разговоре, даже одному, за рабочим столом, когда напрягаешь разум в процессе творчества».

Это верно — есть еще о чем подумать наедине с самим собой, прежде чем начать об этом писать...

Мне очень жаль, дорогой Пазолини, что в тот вечер, вернее, ночь, когда после просмотра вашего фильма вы повели нас ужинать в небольшой ресторан, мы с вами так и не поговорили о самом главном и для меня и для вас. Возможно, для этого серьезного разговора было слишком много людей, а может быть, мы просто устали и не хотели уже спорить, но, я знаю, разговор этот — не легкий разговор — произойдет, не может не произойти. Хотелось бы только, чтоб до того, как он состоится, вы и друзья ваши (надеюсь, что они и наши) знали: все, что вы называете и считаете трагическим, мы помним очень и очень хорошо. Но говорить, тем более писать об этом, уверяю вас, не так-то просто. Ведь речь идет не о трагедии одного, двух, трех, десяти, ста, ну, даже тысячи человек — речь идет о трагедии всенародной. И если литература наша до сих пор еще по-настоящему не заговорила о том сложном, горьком и противоречивом, что связано с тем, что мы называем сейчас периодом культа личности, то это дело только времени.

Миновать прагматические события нашей жизни советская литература, при всем ее стремлении к жизнеутверждающему (а может быть, именно в силу этого), просто не может. Не может, потому что, как сказал Твардовский в заключение своей речи, «в искусстве, в литературе, как и в любви, можно лгать лишь до поры — раньше или позже настанет время сказать всю правду». Мне очень хотелось бы, дорогой Пазолини, чтобы вы это поняли до нашей встречи, а после нее, если она состоится, чтобы вы не говорили, как сказали за «круглым столом»: с русскими можно говорить, но нельзя спорить. Кстати, может быть, именно из-за этой вашей позиции, сидя ночью в ресторане после просмотра «Аккатоне», мы говорили о чем угодно, только не о главном.

*

В первый же вечер в Риме, сразу же после «круглого стола», меня увлекла за собой группа молодых журналистов. «Для начала пойдем в тратторию, — было сказано, — а потом увидим». В траттории сдвинули столы, и тут же появились графины с красным и белым римским вином, без которого в Италии не обходится ни одна встреча (выпрощем, итальянцы утверждают, что в России ни одна встреча не обходится без водки, что, на их взгляд, гораздо труднее).

В компании нашей я знал только двоих, остальных я видел впервые. Среди них был некто Серджо, молодой коммунист лет тридцати с чем-то, журналист, непримиримый, злой, с которым, начиная с этого вечера и до дня моего отъезда, у меня происходили наиболее ожесточенные схватки.

Знакомство наше началось с его заявления, что ему не понравилось мое выступление за «круглым столом». Почему? Недостаточно смелое. Это был первый удар. Затем он сказал, что «Кира Георгиевна» ему тоже не нравится. Второй удар. Дальше удары стали сыпаться один за другим. Острый, неуступчивый, может быть излишне желчный, с горящими черными глазами, то веселыми, то злыми (чаще злыми), Серджо мне очень понравился. Спорили мы с ним по поводу всего — литературы, искусства, журналистики, образа жизни, социальных систем, методов построения коммунизма, избирательных систем, различных течений в кинематографии — одним словом, по поводу всего, к чему бы мы ни прикасались. Споры эти доходили иногда до такого накала, что однажды в милой компании довели одну из присутствовавших девушек до слез. «Ну что вы все ссоритесь, ссоритесь, ссоритесь? — всхлипывала она. — Разве нельзя поговорить о чем-нибудь спокойном?» Мы с Серджо выжили примирительную, попытались заговорить о спокойном, но минут через двадцать опять сцепились. Одним словом, беседы с ним проходили, как говорится, в духе партийной прямоты и откровенности. И, должен сказать, мне это нравилось. Мы сдружились с Серджо.

Итальянские коммунисты — во всяком случае те, с которыми я встречался (и в Италии, и у нас, в Советском Союзе), — не догматики и отнюдь не ревизионисты. Решения XX и XXII съездов для них не менее важны и существенны, чем для нас.

Они говорят так, например:

— Решения двух этих съездов абсолютно правильные. Культ личности должен был быть разоблачен, и вы сделали это со всей вам присущей смелостью. Но надо понять и нас. Мы живем в других условиях. Мы в капиталистическом мире, у него свои законы. Вы — ваше поколение во всяком случае — знаете эти законы только по книгам, а мы сталкиваемся с ними на каждом шагу, каждую минуту. Рядовой итальянец находится постоянно под воздействием двух взаимнопротивоположных идеологий. И вот итальянец — рабочий, служащий, крестьянин — должен выбирать. А для того, чтоб выбрать, должен знать, что лучше. Он читает газеты — купит он может любую: ватиканская «Осерваторе романо» стоит столько же, сколько «Унита». Одна говорит одно, другая — другое. В одной он читает, что в Советском Союзе все плохо, в другой — что все хорошо. Так во всяком случае мы писали до определенного времени — именно, что все хорошо. Потом выяснилось, что не все, далеко не все... Мы писали, что Сталин велик, мудр и непогрешим. И нам верили, очень многие верили. Теперь мы уже не пишем о его непогрешимости, больше о его грехах, и нам задают вопрос: а о чем вы раньше думали? Поймите, миллионы людей тянутся к вам. Для них вы первая в мире страна, в которой у власти стал рабочий класс. Поэтому они хотят знать о вас все, всю правду. Что хорошо и что плохо, что мешает. И вот тут-то вы не всегда нас понимаете. Мы все радуемся победам Гагарина и Титова, но рядовой итальянец, особенно побывавший у вас в Союзе (а таких сейчас все больше и больше), обязательно задает вопрос: «А почему они, загустив спутник вокруг Луны, не могут до сих пор отделаться от очередей?» — и еще десятки других вопросов. И это не праздные вопросы, это очень существенные. И мы обязаны на них ответить. Но в первую очередь вы. А вы часто с ответом тянете, отвлекаетесь в сторону. Тем временем ответ — правильный или неправильный, это уже другое дело — дает враг, и к нему часто прислушиваются. И вы не учитываете этого.

Вот так говорят многие коммунисты. И тут же сами начинают задавать вопросы. Почему, почему, почему? Сто тысяч почему, от которых у меня иногда голова шла кругом.

И, должен прямо сказать, на некоторые «почему» мне очень трудно было найти ответ.

Как-то у меня зашел разговор с одним молодым кинематографистом, побывавшим на Московском фестивале в прошлом году. Заговорив о фильме «Голый остров», получившем первую премию, он упомянул фамилии двух японских режиссеров — Мизогучи и Курасава, о которых я ничего не знал. Он несколько удивился, но когда затем узнал, что я не видел ни одной картины Бергмана и Микеланджело Антониони, он не поверил своим ушам.

— Вы не видели картин Антониони?

— Не видел.

— Но почему?

Я пожал плечами.

— Просто мы не закупили их.

— Не закупили Антониони? Но ведь это самый знаменитый сейчас режиссер. О нем спорят сейчас во всем мире. Не видеть его кар-

тин — это то же самое, что не видеть, ну... ну, хотя бы «Сладкую жизнь» Феллини.

— Но я и «Сладкую жизнь» не видел.

Он развел руками.

— Не видели?

— Не видел.

— Нет, просто вы не любите кино, не интересуетесь им. Я не могу поверить, чтоб у вас не купили «Сладкую жизнь», ведь это очень серьезный, умный, страшный, к тому же разоблачительный фильм... Не верю...

Другой итальянец спросил меня, какого я мнения о последних картинах Чарли Чаплина «Огни рампы» и «Король в Нью-Йорке». Я опять-таки вынужден был сказать, что не видел их, что их нет у нас в прокате.

— Но почему? Чаплин — величайший артист современности. Каждая его картина — событие...

Я не знал, что ответить. Я сам не понимаю, почему у нас не идет Чаплин. В версию, что его картины слишком дороги, поверить трудно.

В третий раз меня поставили в довольно затруднительное положение, спросив, почему мы не издаем тех или иных писателей. (Тут я вспомнил, как неловко мы себя чувствовали, группа советских писателей, в том числе Панова и Гранин, когда лет шесть тому назад Альберто Моравиа, будучи в Ленинграде, спросил нас что-то о Кафке. Мы молча переглянулись и ничего не смогли ответить: тогда мы о нем даже не слышали.)

— Я понимаю, — сказал мой собеседник, кстати тоже коммунист, — я понимаю, что у вас есть свои взгляды на задачи литературы, есть свои издательские планы, охотно понимаю, что кто-то из писателей вам ближе, кто-то дальше, кто-то совсем чужд. Если б вы вдруг вздумали издать «Лолиту» Набокова, считающуюся сейчас в Америке бестселлером, это было бы просто нелепо. Но почему вы так медлительны с Фолкнером? Почему не печатаете Кафку? Почему так старательно избегаете Альбера Камю? В конце концов вы вовсе не обязаны издавать их сотысячными тиражами. Но ведь каждый из них в своем роде значителен, даже Саган, которую многие считают несерьезной. Ведь они, эти писатели, крайне типичны для своего времени, эпохи, настроения умов. Их можно не любить, критиковать, наконец отрицать, но их нельзя не знать...

Прав ли мой собеседник? По-моему, прав.

У нас издается сейчас много переводов иностранной литературы. Чуть ли не со всех языков мира. И большими тиражами. И все же многие крупнейшие события зарубежной литературной жизни проходят мимо нас или в лучшем случае доходят до нас с большим запозданием.

К слову сказать, с переводами советской литературы в Италии сейчас во много раз благополучнее, чем было три-четыре года назад и чем в других западных странах сейчас. Если до определенного времени книги советских писателей привлекали внимание главным образом как нечто экзотическое или сенсационное, то за последние годы положение это в корне изменилось. Круг переводимых писателей сейчас очень широк и разнообразен. И не только прозаиков, но и поэтов. Я собственными глазами видел в книжных магазинах книги Тендрякова, Каверина, Вс. Иванова, Эренбурга, Кузнецова, Аксенова, Берггольц, Айтматова, пьесы Арбузова, Володина, Хмелика, Розова, стихи Евтушенко, Вознесенского, Заболоцкого, Окуджавы, Винокурова... Список этот спокойно можно продолжить, так как наиболее крупные итальянские издательства (Эйнауди, Фельтринелли, Эдитори Риунити) очень внимательно следят за нашими журналами и буквально через два-три месяца после опубликования у нас заинтересовавшие их произведения выходят уже в свет... Эх, нашим бы издательствам такую оперативность!

Теперь о кино. Мы покупаем много иностранных фильмов. Мы видели первоклассные картины Росселини, Де Сика, Де Сантиса, Висконти, Феллини, Трюффо, Отган-Лара, Бардема, Карела Земана, Кавалеровича, но наряду с этим по нашим экранам победно шествуют не имеющие никакого отношения к искусству всякие «Графы Монте-Кристо», да еще в двух сериях, «Оклахомы» или какие-то там «серепахи». А ведь это тоже деньги, на которые можно было бы купить и «Гражданина Кэина» — американцы считают его вершиной своего киноискусства, — или «Хиросима, любовь моя» Алена Рене, или «Мост через реку Квай», или «Пепел и алмаз» Анджея Вайды — одним словом, картины, которые являются этапами на пути развития мирового киноискусства.

Кстати, об этом пути и об Антониони, из-за которого мне пришлось краснеть. Много ли мы знаем о тех горячих спорах, которые развернулись сейчас в среде прогрессивных режиссеров и кинокритиков мира вокруг этого самого пути, пути современного кино, о двух основных направлениях, по которым оно развивается, — о «школе», как уже теперь говорят, Антониони и о «киноправде» Жана Руша? Я, например, до последнего времени ничего не знал. А это очень интересно. Западное кино переживает сейчас кризис. Знаменитый Голливуд со своими ковбойскими «вестернами» и картинами ужасов шаг за шагом теряет свои позиции. Посещаемость кино — не без участия, правда, телевидения — резко пала. В Англии за один только 1961 год закрылось триста кинотеатров. Во Франции по сравнению с 1957 годом число кинозрителей сократилось на восемьдесят миллионов человек. Почему все это происходит? Я не буду вдаваться во все детали этого довольно сложного процесса. Приведу только последние строки «Манифеста молодого американского кино». «Мы не хотим больше лживых и лакированных фильмов, — призывают ко всем молодые американские режиссеры Рагозин, Роберт Франк, Берг Стерн, братья Сандрос и другие, — мы предпочитаем фильмы пусть грубые, но живые. Мы не хотим больше фильмов розовой водички. Нужны фильмы цвета крови!»

(Продолжение следует)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПОСЕВ

Адрес: Possev-Verlag, 623 Frankfurt/Main - Sossenheim, Flurscheldeweg 5. Тел. 31 92 65
Почтов. ящик: 6 Frankfurt/Main, Postamt 1, Postfach 2786.

Telegramm-Adresse: Posseverlag, Frankfurt/M.
Postcheckkonto: Frankfurt/M. 33461,
Bankkonto: Nassauische Sparkasse,
Frankfurt/M. Nr. 115M.

Издает еженедельник «Посев», журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли «Грани» и художественную и общественно-политическую литературу.

При издательстве — книжный магазин. Проспекты и каталоги высылаются бесплатно.

АВСТРАЛИЯ

„Possev“
Post Office, Carrum, Victoria.
Mr. A. Veremeef,
8 Abingdon St., W-Gabba.
Brisbane, Qld.

АВСТРИЯ

Wien, Postamt 76, Postfach 40.

АНГЛИЯ

E. A. Baratschewsky,
23, Alder Grove, London N. W. 2.

АРГЕНТИНА

N. Momot, Casilla de correo 2585,
Buenos Aires.

БЕЛГИЯ

E. Drevinsky, B. P. 259, Bruxelles.

БРАЗИЛИЯ

I. Alexandrow, Av. Lavandiska, 648.
Indianapolis, Sao Paulo.

ВЕНЕСУЭЛА

N. Drosdovsky, Apartado correo 4665,
Caracas-Este.

ГОЛЛАНДИЯ

A. Kandaurov, Postbus 325, Rotterdam.

ГРЕЦИЯ

Firma Anna Mazarakis & Co.
Athènes. Patission 9.
Solonique, Angelakopoulou-Zakharopoulou,
Nea Magalou Alexandrou 41.

ДАНИЯ

D. Sebewitsch, Herthavej 2. B,
Köbenhavn-Charl.

ИЗРАИЛЬ

M. Kabiri, 33, rue Maaleh,
Harofim, Kamath - Gan, Israel.

ИСПАНИЯ

Don Miguel Jureninsky-Kolchin,
Padilla, 55, Madrid.

ИТАЛИЯ

A. Konovets, Casella Postale 429.
Roma, Centro.

КАНАДА

A. Romar, 1420, Bernard str. Outremont,
Montreal.

МАЛАЙЯ

M. Talrow, 43, Stevens Road, Singapore.

МАРОККО

Mr. T. Moudrow, Cité de Bournazel. Imm. 14.
App-t 11A, Casablanca.

НОРВЕГИЯ

Fedor Tarakanow, Krusesgt. 5. B, Oslo.

США

Mr. A. P. Studentzoff, 340 Liberty ave.
Brooklyn 7, N. Y.
Mr. A. Tzvikevich, 2314 - 25th. Avenue,
San Francisco, 16, California.
Tel. SE 1 - 0339.

ТУРЦИЯ

Mr. Nadir Bek, Aya Andrea Binasl
Mumhane caddesi No. 109.
Galata-Istanbul.

ФРАНЦИЯ

Société „Le Semis“
B. P. 143, Paris XV. Tel.: BLOmet 62-06.
N. Altoff c/o M-me Barge, 6, Place de la
Croix-Rousse, Lyon (Rhône).
A. K. Lavroff, 2, rue de la Moselle,
Nilvange (Moselle).

ШВЕЙЦАРИЯ

Leo Grossen, Postfach, Locarno.

ШВЕЦИЯ

Tidskriften „Possev“, Box 4054.
Södertälje 4.

ЯПОНИЯ

Mr. A. Bakulevsky, 437 - Ival - cho,
Hodogaya-ku, Yokohama.

Einzelpraal — DM 0.80

Цена еженедельника «Посев» с 1.1.62 г. в розничной продаже: Германия — 0,80 н.м.; Австралия — 1 шилл. 10 пенсов; Австрия — 4,50 шилл.; Англия — 1 шилл. 5 пенс.; Аргентина — 10 песо; Бельгия — 9,50 фр.; Бразилия — 50 круэйро; Венесуэла — 0,90 боливера; Голландия — 0,70 гульдена; Греция — 5 драхм; Дания — 1,40 кроны; Израиль — 0,25 фунта; Иран — 5 риалов; Испания — 8 песет; Италия — 100 лир; Канада — 30 центов; Марокко — 80 франков; Норвегия — 1,3 кроны; США — 30 центов; Турция — 1 лира; Франция — 0,90 н. франка; Чили — 150 песо; Швейцария — 0,85 франка; Швеция — 1 крона.

Ныне действует для объявлений в Германии тариф № 2: страница — 1000 н.м.; 3/4 — 725 н.м.; 1/2 — 550 н.м.; 1/4 — 300 н.м.; 1/8 — 160 н.м. Условия подписки на еженедельник «Посев» и журнал «Грани» в Германии: «Посев» — на 3 месяца — 9,10, на полгода — 18,20, на год — 36,40. «Грани»: Отдельный экземпляр — 6,00, годовая подписка — 20,00. Цены указаны в немецких марках.

ИНОСТРАННЫЙ МИР И МЫ

Запад и конфликт КПСС—КПК

Еще в марте с. г. бывший государственный секретарь США и сотрудник президента Трумена Дин Ачесон выступил с речью, в которой подверг резкой критике внешнеполитический курс президента Кеннеди, в частности то, что он охарактеризовал, как «флирт с Хрущевым». Этот «флирт», по словам Ачесона, не принес Западу никаких выгод, но зато посеял недоверие к США в Германской Федеративной Республике и оттолкнул от США Францию. К тому же в ходе негласных переговоров с руководством КПСС уже давно выяснилось, что последнее не расположено ни к каким существенным уступкам и что, с другой стороны, американцы предлагают Хрущеву на выбор целый ряд уступок; вряд ли приходится доказывать, что такая политика способна лишь разжечь аппетиты руководства КПСС.

Недоверие к американцам, боязнь того, что они все же договорятся с КПСС за счет своих европейских союзников, за истекшие месяцы не уменьшились, а скорее увеличились. Это недоверие не смогла развеять и поездка президента Кеннеди в Бонн и Берлин и его заверения в решимости США отстаивать Западный Берлин любой ценой. Причина недоверия весьма проста: если действительно американцы не расположены жертвовать интересами своих союзников, то, спрашивается, к чему же вести переговоры?

Между тем, переговоры не только не прекращаются, но в последнее время даже расширились. Сейчас актуальная тема переговоров — соглашение о запрете термоядерных испытаний; к этому соглашению советская сторона «пристегивает» пакт о ненападении между силами НАТО и Варшавского договора.

Вопрос о запрете термоядерных испытаний бесконечно долгое время обсуждался в Женеве. Позиции сторон выяснились, казалось бы, с предельной ясностью: никакого эффективного контроля над проведением в жизнь соглашения о запрете руководство КПСС не желает. Об этом заявлялось много раз.

Теперь Хрущев вновь забрасывает удочку: руководство КПСС заинтересовано-де в таком запрете, а также в пресловутом «пакте о ненападении».

Что, собственно, значит этот «пакт о ненападении»? Пакты такого рода имеют плохую историю. Достаточно напомнить пакты о ненападении, заключавшиеся Гитлером, и такие же пакты, заключавшиеся советским правительством с Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой. Если какая-либо из «высоких договаривающихся сторон» заранее рассматривает заключаемый ею договор как клочок бумаги, то такому договору грош цена. Единственной гарантией ненападения со стороны агрессора (а коммунистический режим агрессивен по самой своей природе) является потенциал сопротивления ему, и никакой другой гарантии нет и не может быть. Следовательно, предлагаемый Хрущевым «пакт о ненападении» сулит Западу лишь формальную, бумажную гарантию. Но требует он от Запада нечто гораздо большее: идейно-политическую капитуляцию в отношении государств, «благодетельствованных» коммунистическим режимом в результате ялтинского предательства.

То, что в Ялте были преданы Албания, Югославия, Болгария, Венгрия, Румыния, Чехословакия и Польша, не отрицается и самими западными участниками сговора (воспоминания Черчилля дают много для понимания царившей в Ялте атмосферы). Но до сих пор Запад успокаивал свою дурную совесть моральным осуждением установленных в этих странах режимов и выдвигал, хотя бы символически, требование предоставления народам этих стран право свободно распоряжаться своей судьбой. «Пакт о ненападении» в глазах руководства КПСС будет лишен всякого смысла, если с ним не будут сопряжены моральные признание Западом коммунистических режимов в восточноевропейских странах и его отказ от требования самоопределения. Такой «пакт», с одной стороны, убил бы в народах этих стран все сим-

патии к Западу, а с другой — дал бы в руки Хрущеву исключительно важный политический козырь. А козыри Хрущеву сейчас крайне необходимы, поскольку «китайские товарищи» приставили к его груди пистолет.

Правительство США утверждает, что оно не расположено подписывать с руководством КПСС «пакт о ненападении». Этому можно поверить: правительство США — не единственное в НАТО и трудно себе представить, например, чтобы согласился поставить под этим пактом свою подпись де Голль. Но разве не ведется в последнее время вся внешняя политика США так, как если бы «пакт о ненападении» был уже подписан?

Из кругов, обосновывающих и оправдывающих такую внешнеполитическую линию, можно слышать примерно следующее: советско-китайский идеологический конфликт вынудит советскую сторону быть более уступчивой в отношениях с Западом и поэтому можно будет выторговать кое-что от руководства КПСС — разумеется, в обмен на известные уступки Запада. Кроме того, — говорится в этих кругах, — не в интересах Запада — поражение в советско-китайском конфликте Хрущева и его сторонников. Нужно в этом конфликте оказать Хрущеву посильную поддержку.

Задержимся на этих утверждениях и попробуем в них разобраться.

Есть ли какие-либо основания полагать, что конфликт с КПК побудит советскую сторону к уступчивости в отношении Запада? Весь конфликт разыгрывается вокруг вопроса о том, как скорее и вернее похоронить Запад и кто должен играть в международном коммунизме ведущую роль. Если бы руководство КПСС стало проявлять в отношении Запада уступчивость, то оно лишь повредило бы своим позициям, оно дало бы новый аргумент в руки «китайским товарищам» и тем недовольным коммунистам в разных странах, которые во все большем числе принимают сторону КПК. Еще можно было бы представить себе уступчивость КПСС в том гипотетическом случае, если бы со стороны Китая возникла военная угроза. Но такой угрозы нет в помине, а если учесть военный и промышленный потенциал КНР, то она и в будущем не может возникнуть. Оценивая советско-китайский конфликт, приходится, следовательно, оперировать чисто политическими, идеологическими и, если угодно, экономическими, но никак не военными категориями. А ни политика, ни идеология, ни экономика не дают никаких оснований для упомянутых надежд.

Выгодно ли для Запада поддержать Хрущева в советско-китайском конфликте, как некое «меньшее зло» сравнительно с «догматиками»?

Мы хотим напомнить, что советский догматик Молотов в бытность свою руководителем внешней политики СССР весьма упорно говорил свое «нет», но не размахивал атомной бомбой и не грозился в кратчайший срок изгнать союзников из Западного Берлина. Правда, тогда и Запад не слишком увлекался мифом «мирного сосуществования». Внешняя политика руководства КПСС, как показывает история, определяется не столько характером людей, стоящих у власти, сколько общей международной обстановкой и степенью сопротивления свободного мира. Этого сопротивления, например, не было в 1940 году, — и Сталин захватил прибалтийские страны; оно было оказано в Иране в 1946 году, — и советские войска ушли из иранского Азербайджана. Берлинский ультиматум Хрущева повис в воздухе не потому, что Хрущев отказался от мысли захватить

Западный Берлин — как раз от этой мысли он не отказался! — а потому, что сопротивляемость Запада оказалась большей, чем он ожидал.

«Догматик» Мао Цзэ-дун, утверждающий на каждом шагу, что Запад — это бумажный тигр, сам, однако, лезть в пасть к этому тигру отнюдь не расположен и не переходит демаркационную линию в Корею, не пытается занять Гонконг, даже не делает попыток высадиться на острове Квемой.

Нам думается, что противопоставлять «хорошего» Хрущева «плохому» Мао Цзэ-дуну было бы для Запада непростительной иллюзией, за которую ему пришлось бы потом дорого расплачиваться. Особенно опасная ситуация сложилась бы в том случае, если бы руководству КПСС удалось подогреть эту иллюзию какой-либо неискренней и формальной уступкой.

Между тем, на Западе, к сожалению, нет недостатка в кругах, где подобные иллюзии в ходу, и эти круги даже оказывают известное влияние и на ответственных руководителей внешней политики. Трудно отделаться, например, от впечатления, что упорное стремление правительства Макмиллана вести переговоры с руководством КПСС «не взирая ни на что» навеяно именно такими иллюзиями.

Когда знакомимся с высказываниями ответственных деятелей Запада и с тем, что по поводу советско-китайского конфликта пишет западная пресса (а пишется в ней очень много), то бросается в глаза: и в этих высказываниях и в статьях, опубликованных в западной прессе, почти отсутствует всякое стремление проанализировать возможные последствия советско-китайского конфликта в нашей стране, в российской внутриполитической обстановке. Об этом можно пожалеть тем более, что, рассуждая логически, такой анализ должен был бы лечь в основу всех будущих политических шагов Запада в связи с советско-китайским конфликтом. Есть в частности одно обстоятельство, не учесть которое, казалось бы, нельзя — между тем, на Западе мимо этого обстоятельства проходят, его не замечая. То, что советско-китайский конфликт вышел наружу, что в «Правде» появились громовые статьи и опубликованы документы и КПСС и КПК — разрушило в сознании российских людей мифы о «нерушимом единстве социалистического лагеря», о «братской семье коммунистических партий», о «единой марксистско-ленинской истине». Разрушило не в том смысле, что они раньше верили этим мифам, а в том, что они раньше принуждались верить в них той властью, которая теперь сама вскрывает их несостоятельность.

Хрущеву, которому кое-кто на Западе хотел бы оказать поддержку, в сознании российских людей предстает как жалкий лгун: не он ли клялся коммунистическим единством? Кроме того, в разгласия КПСС—КПК — хочет того власть или не хочет — теперь вовлечены массы, и они будут ставить власти свои требования, вероятно, весьма отличные от требований «китайских товарищей».

Идейно-политическое наступление Запада в поддержку народа нашей страны (а не Хрущева против Мао Цзэ-дуна!) сейчас было бы как нельзя более кстати. Но, к сожалению, на политическом горизонте Запада не видно ни социальных факторов, ни лиц, желающих и способных повести такое наступление. Песенка там поется совсем на другой мотив...

A. H.

РАДИОПЕРЕДАЧИ НТС

В Европейской России: 12-17 и 18-23 час. моск. вр. на волнах 26 и 46,9 м (11,55 и 6,40 мГц); в 01.30-01.45 и 16.30-16.45 час. моск. вр. на волне 31,12 м (9,64 мГц).

В Азиатской России: 01.10-01.30 час. хабаровск. вр. (соответствует 18.10-18.30 моск. вр.) на волнах 13, 19, 25, 31, 41 м; 08.30-08.45 час. и 23.30-23.45 час на 31,12 м (9,64 мГц). Уходя от глушения, радиостанция несколько меняет длину волны.

Пишите нам по адресу: Postbus 902, Rotterdam, Nederland.

Откровения

▲ Состоялось заседание Постоянного совета НАТО, на котором бельгийский министр иностранных дел Спаак сделал сообщение о содержании своих переговоров с Хрущевым, которые он вел во время своей недавней поездки в СССР.

▲ Турецкое правительство отклонило предложение Хрущева о создании безатомной зоны в Средиземноморском бассейне. В своем ответе турецкое правительство заявило, что сохранение мира возможно только при условии полного и всеобщего разоружения. До тех пор, сказано в ответе турецкого правительства, пока существуют ракеты, которые могут быть направлены против Турции, создание безатомной зоны в Средиземноморском бассейне явилось бы лишь односторонним актом разоружения со стороны Турции и ее союзников.

▲ Правительство Кипра отвергло предложение Хрущева о создании безатомной зоны в Средиземном море на том основании, что этот вопрос является частью вопроса о всеобщем разоружении.

▲ Госдепартамент США обратился к правительству Великобритании с просьбой запретить кубинским самолетам совершать посадки на острове Гранд Кайман в Карибском море, так как самолеты эти имеют на борту «потенциальных агентов». Госдепартамент сообщил, что за последние недели кубинские самолеты типа «ИЛ» доставили на упомянутый остров от 15 до 20 агентов, которые затем перебрались в другие районы Карибского бассейна.

▲ Военная хунта, свергнувшая президента Эквадора Аросемену, создало новое правительство, возглавляемое полковником Агустином Боуэном.

▲ Новое правительство Эквадора запретило компартию. Эквадорская полиция произвела аресты коммунистов. Среди арестованных находятся генеральный секретарь КП Эквадора Педро Саад,

член ЦК Энрик Жильбер и представитель агентства коммунистического Китая «Синьхуа» Педро Энкалада.

▲ Правительство Коста-Рики объявило, что оно порывает дипломатические отношения с Эквадором. Правительство Коста-Рики заявило, что оно не поддерживает дипломатических отношений с правительством, образовавшимся вследствие военных переворотов.

▲ Один из основателей компартии Бельгии, член политбюро ЦК Анри Глинер исключен из партии за пропекинское направление. Глинер был заключенным гитлеровского концлагеря Бухенвальд, где занимался нелегальной деятельностью. После войны он был выбран сенатором и являлся председателем общества бывших политзаключенных-бельгийцев. В настоящее время Глинер находится с визитом в Албании.

▲ Брюссельские коммунисты, исключенные из партии за свою приверженность КПК, создали свою коммунистическую организацию. Одним из ее руководителей является б. член политбюро ЦК КП Бельгии Жак Гриппа. Вновь созданная организация отправила делегации в КНР и Албанию.

▲ Югославское агентство печати «Танюг» опубликовало список имен 15 албанских агентов, арестованных в текущем году на территории Югославии. В сообщении указывается, что албанская разведка систематически засылает в Югославию вооруженных диверсантов, а также агентов для сбора сведений военного, экономического и политического характера.

▲ На стенах домов и на заборах в пригородах Милана появились написанные краской лозунги: «Да здравствует Мао!» Считают, что эти надписи являются ответом части членов итальянской компартии на письмо ЦК КПСС, осуждающее деятельность китайских коммунистов.

Переворот в Эквадоре

Военный переворот, происшедший недавно в Эквадоре, несколько отличается от традиционных латиноамериканских «пронунсиаменто». Офицеры, свергнувшие президента Аросемену, обвиняют последнего в пьянстве и в том, что пьяные выходы главы государства серьезно подорвали международный престиж страны. Все это соответствует действительности: сам Аросемена не отрицает пристрастия к зеленому змию, хотя и извиняет свой грешок, как «чисто мужской недостаток».

Но Аросемена известен не только как поклонник Бахуса. Бывший президент ездил, будучи еще вице-президентом, в Москву на свидание с Хрущевым и очень неохотно, уступая лишь давлению военных, порвал дипломатические отношения с Фиделем Кастро: это, пожалуй, посерьезнее, чем скандалы на официальных приемах и военных парадах.

Столкновение мнений на московском кинофестивале

Любопытный — и характерный — инцидент разыгрался на кинофестивале в Москве. Выступивший перед представителями литературы и искусства нашей страны американский кинодраматург Аббе Манн пожал бурю оваций после того, как он подверг советские фильмы резкой критике, назвал их «националистическими одами» и призвал российских деятелей к духовной независимости.

Выступление Манна имело место в ходе дискуссии между руководителем советского кино Сергеем Герасимовым и чехословацким критиком Станиславом Звоничеком.

В своем выступлении Манн призвал

русских кинодеятелей присоединиться к своим западным коллегам в «вытравлении в самом себе раба».

— Я боюсь, — сказал Манн, — что мы следуем диктату наших стран — их чувств и их шаблонов... Вот почему вы все еще заняты изготовлением националистических од... Художник, если он хочет творить кровью сердца, не должен бояться затронуть любое учреждение, любой сложившийся порядок, любую священную корову... Художнику жизненно необходимо иметь право критиковать, хотя бы его критика и послыгалась на установившийся порядок или официальную точку зрения...

Председательствовавший на собрании Герасимов открыл дискуссию общезвестными фразами о благотворности партийного руководства искусством и о том, что «советские картины должны отражать вкусы и потребности народа». Выступление Манна и восторженные аплодисменты по его адресу пришлось Герасимову явно не по вкусу.

Французский кинокритик — марксист Мишель Мартэн охарактеризовал художественный уровень советских фильмов как весьма низкий. Мартэн упомянул три фильма: «Балладу о солдате», «Чистое небо» и «Знакомьтесь, Балуев». Особенно плохи, по мнению Мартэна, последние два, где слишком сильно чувствуется вмешательство партийных инстанций. Чехословацкий критик Звоничек дал

очень лестную оценку американскому фильму «Это случилось на Западе» и творчеству итальянского режиссера Анджело Антониони. Герасимов, со своей стороны, заявил, что он «не согласен со многими установками товарища Звоничека».

(Собств. инф.)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЮМОР

Из новейших передач
«Армянского радио»

Вопрос: — Может ли свинья облысеть?

Ответ: — Мы на политические вопросы не отвечаем.

ПОСЫЛКИ-ПОДАРКИ В СССР С ОПЛАЧЕННОЙ ПОПЛИНОЙ

Как и прежде!

ЛИНДЕКС посылает посылки-подарки с вашим товаром,

ЛИНДЕКС предлагает товар для ваших посылок из своего склада — большой выбор, умеренные цены,

ЛИНДЕКС дает вам возможность покупки высококачественных товаров советского производства, которые непосредственно будут выданы вашим родственникам в Советском Союзе.

Получатель не несет никаких расходов

ЛИНДЕКС выполняет все заказы своих клиентов быстро и точно!

Запрашивайте наш каталог с прейскурантом!

LINDEX Handelsgesellschaft mbH
München 27, Rauchstraße 5
Tel.: 48 13 75, 48 16 27, 48 20 38

Книги издательства «Посев», а также все периодические издания —

«ПОСЕВ», «ГРАНИ», «НАШИ ДНИ»
в США можно получить в книжных магазинах

„ДОМ КНИГИ“

"The Book House", 304 State Str., Bridgeport, Conn., U.S.A.

Книжное агентство „ДОН“

Gregory Shevtsoff, Book Agency "DON", 1675 Bryant Ave., Apt. 1 F, New York 60, U.S.A.

На все периодические издания принимается подписка. Условия подписки:
на «Посев»: на 3 мес. — 3,25 долл., на полгода — 6,50 долл.,
на год — 13 долларов с пересылкой простой почтой;
на «Грани»: 4 номера — 6 долларов

Цена в розничной продаже: «Посев» — 0,30 долл., «Грани» — 1,75 долл.

По желанию еженедельник «Посев» высылается воздушной почтой прямо из издательства. Цена пересылки 5 долларов в год

По требованию высылаются книжные каталоги

Отец разыскивает Ивана Алексеевича Караева, род. 5 мая 1925 г. в Воронежской области. Последнее местожительство: Новошахтинск. Писать в «Посев» для № 876.

Знающих о судьбе Григория Еромоленко из Киевщины друзья просят сообщить в «Посев» для Т. Предполагается, что он может находиться в США.

БОЛЬНЫМ СЛАБЫМ НЕРВНЫМ

Мы живем уже много лет в обстановке крайнего нервного напряжения. Неврастения, малокровие, головные и др. боли, упадок сил, апатия, бессонница, нервные запоры — вот чем страдает едва ли не каждый из нас. В результате расстройства нервной системы влечет и более тяжкие последствия, а именно: ослабление активности и нарушение функций всех органов, что и является основной причиной всех болезней, преждевременной старости и часто ранней смерти.

Научно установлено, что известное лекарство Kalefluid восстанавливает равновесие, нерв и силы и организм, будучи возрожденным, снова начинает пользоваться всеми радостями здоровой жизни.

Профессор Афинского университета д-р Керне пишет: «Я признаю КАЛЕФЛЮИД могущественным лечебным средством, чрезвычайно укрепляющим и восстанавливающим силы и нервную систему».

КАЛЕФЛЮИД награжден на выставках в Париже, Лондоне, Риме, Брюсселе и Флоренции 5 золотыми медалями.

Брошюра на всех главных языках мира высылается бесплатно. КАЛЕФЛЮИД продается в аптеках. Где нет, пишите немедленно:

Laboratoire E. "KALEFLUID", 66, Bd. Exelmans, Paris (16-e), France

В Канаде: Pharmacia Brunella 5757, Bd. Monk, Montreal

В Австралии: E. Hubczonko, 16, Howard Rd. Beverley, Adelaide

Заказы из США и других стран направляйте нам во Францию

КАЛЕФЛЮИД